

18+

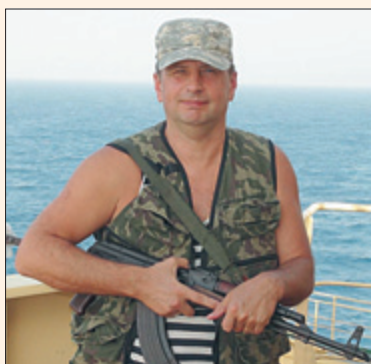
Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002

РОМАН №21 ГАЗЕТА

Николай Прокудин / **Охота на пиратов XXI века**

ПРОКУДИН Николай Николаевич

Родился 7 августа 1961 году в г. Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской области. В Вооруженных Силах СССР-РФ с 1979 по 1998 годы. Ветеран войны в Афганистане (1985–1987 годы в составе 180 МСП), награжден двумя орденами «Красная звезда», медалями. Майор запаса. Участник антипиратских операций в Индийском океане с 2011 года и по настоящее время, сопровождал 37 торговых судов, прошел 135 тысяч морских миль. Член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель комиссии по военной литературе Союза российских писателей.

Лауреат нескольких литературных премий. Прозаик, детский писатель, автор 18 книг прозы для детей и взрослых.

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛ РОМАН-ГАЗЕТА

ЖУРНАЛ НА ВСЕ ВРЕМЕНА!

Подписные индексы издания:

в каталоге агентства «Роспечать»
70782 на полугодие, **71752** на год;

в объединенном каталоге «Пресса России»
38915 на полугодие;

в электронном каталоге «Почта России»
П1526 на полугодие

Адрес редакции: Россия, 107078, Москва, Новая Басманная, д. 19

Телефоны редакции: 8 (499) 261-84-61, 8 (499) 261-49-29

Телефон отдела распространения: 8 (499) 261-95-87

E-mail: roman-gazeta-1927@yandex.ru Сайт: www.roman-gazeta-1927.ru

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная
коллегия:

Дмитрий Белокин
Юрий Бондарев
Семен Борзунов
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный
редактор

Елена Русакова

В оформлении
обложки

использована картина
голландского
художника
Корнелиса Врома

Права
на использование
товарного знака
«Роман-газета»

принадлежат
ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2019
Все права защищены

Подписаться
на журнал «Роман-газета»
можно в отделениях связи
и через Интернет:
www.gazety.ru

Подписные
индексы издания:

в каталоге агентства
«Роспечать»

70782 на полугодие,
71752 на год;

в объединенном
каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может
не совпадать с позицией
редакции

2019 №21 /1842/ Основана в 1927 г.

Николай Прокудин

Охота на пиратов XXI века

Хроника:

«...26 июня 2012 г. в Дубае открылась Вторая международная конференция по борьбе с пиратством. В двухдневном форуме примут участие представители более 50 стран. В рамках заявленной темы — «Региональный ответ морскому пиратству: углубление общественно-государственного партнерства и усиление глобального взаимодействия» планируется обсудить экономический и гуманитарный ущерб от морского пиратства, а также повышение эффективности борьбы с ним посредством сотрудничества между частными организациями и государственными органами.

По данным организаторов конференции, в общей сложности с 2007 года в плену у пиратов побывали 3,5 тыс. моряков, 62 моряка погибли в результате пиратских атак. Согласно данным Международного морского бюро (ИМБ), с начала текущего года произошло 43 инцидента с участием морских пиратов, в результате которых захвачено восемь судов и 144 члена экипажа. В настоящее время в заложниках у сомалийских пиратов находится 15 судов с более чем 250 моряками. Из них около 150 человек находятся в плену более года, а 26 моряков — более двух лет. Ежегодные потери глобальной торговли от пиратства оцениваются в 12 миллиардов долларов...»

Уже полтора года в морях...

Алекс дал добро на двенадцатый поход через океан и утвердил предложенный мною экипаж. Художник Юлий Зверлинг уже который месяц мечтал побывать в океане, а морячок Шура Кабыла после первой стажировки с Суворовым стремился закрепиться в коллективе секьюрити.

Договорились встретиться у выхода из метро «Московская» в девять утра. Зверлинг прибыл в точно назначенное время, но одет был, на мой взгляд, забавно: длинная рубаша в вертикальную разноцветную полоску навывпуск и джинсы, обрезанные под шорты. Юлий устало пыхтел, сгибаясь под тяжестью груза: за спиной большой черный рюкзак, а в руке объемистый баул.

- Зачем ты набрал столько барахла?
- Как зачем? Неизвестно, насколько долго уезжаю!
- И что в багаже? Учти, бесплатный багаж до двадцати килограммов.
- Ничего особенного: кисти, краски, мелки, бумага. В рюкзаке компьютер.
- Системный блок и монитор?

Юлий на полном серьезе парировал:

— Зачем столь примитивно? Обошелся ноут-буком...

Я махнул рукой в знак согласия, и мы поспешили на встречу с третьим членом бригады.

Кабыла, наоборот, явился налегке, лишь с небольшой сумкой через плечо и с легкомысленной барсеткой, но оделся не по-летнему тепло: ветровка, светлая плотная рубашка-поло, джинсы.

— Не маловата ли сумочка для дальнего похода? — с сомнением оглядел я багаж морского путешественника. — Куда будешь грузить цейлонский чай?

— Чай? А шо мы его тоннами будем скупать?

— Ты ж хохол.

— За меня не переживай. Чай — не сало! Мне этой сумочки вполне хватит. А понадобится — куплю чемодан... — пропыхтел Шура, то и дело вытирая платком обильный пот с широкого лица и большой бритой головы.

Я взгляделся в лицо товарища и нахмурился.

«Кабыла столь сильно изнывает от жары или очень нервничает? Если нервишки шалют, то с чего бы? Вроде в морских походах не новичок — бывалый настоящий моряк. Да и на борьбу с пиратами летит не впервые».

— Сними ветровку — потом истечешь.

— Жар костей не ломит. А иначе в Дубае, ночью, в аэропорту замерзну — боюсь, продуют кондиционеры, и заболею перед рейсом.

Шура шумно выдохнул, и мясистые губы дрогнули, словно у коня. Фыркнул, вновь обтер щеки и огромный лоб мыслителя.

Я чуть заметно ухмыльнулся:

«А ведь наш Кабыла — вылитый сомалиец! Если эту широкую физиономию хорошенько намазать гуталином — ей-ей был бы типичным нигерийцем: высокий, круглолицый, большеголовый, губастый. И в то же время в нормальной жизни он образец нордической суровости и серьезности: немногословен, суров, задумчив».

Представил компаньонов друг другу.

— Шура! А почему твоя фамилия пишется Кабыла, а не Кобыла? — хитро прищурился левый глаз, поинтересовался художник-юморист.

— Это, скорее всего ошибка старого малограмотного писаря! — пояснил я, опережая резкий ответ товарища, опасаясь, что моряк обидится на неуместную шутку Зверлинга. — Верно говорю, Шурик?

— Оба балбесы! Вы, как и все прочие, мало эрудированные россияне, делаете ошибку, переводя мою фамилию на русский. А это иностранная фамилия, и к лошадям она не имеет никакого отношения. Фамилия Кабыла происходит от другого слова — иностранного.

— Ах, так ты киргиз? — Я слегка ухмыльнулся, вспомнив несколько слов из детства, проведенного в Киргизии: — Кабыл болсун означает: желаю тебе...

Во взгляде Шуры сквозило неприкрытое недовольство и осуждение моего легкомыслия. Приятель покачал головой и тяжело вздохнул:

— Сам ты болсун! Достали твои еврейские шуточки...

— Почему еврейские?

— Нос выдает! Повторюсь, ты же сын стоматолога...

Я непроизвольно потрогал свой шнобель: нос как нос, вполне европейский, даже греческий...

— Не всегда я был сыном стоматолога. Мы потомственные шахтеры! Прежде папа в шахте вкалывал, пока не понял, что надо менять профессию. Хотя, если честно, ему друг так и сказал: еврей плохую профессию не выберут.

— Вот-вот, сын стоматолога — не умничай. А моя фамилия венгерская, — перебил мои воспоминания Шура.

— Так ты европеец! Не хохол? А я-то думал...

Кабыла в последний раз судорожно затянулся сигаретой — подъехал рейсовый автобус.

Я чуть усмехнулся: «Однако Шура и впрямь нервничает». Но, даже волнуясь, морячок был сама педантичность и аккуратность — бросил окурочек не на асфальт, а точно в урну.

Оплатив проезд и вцепившись в вертикальный поручень, я с ехидцей в красках обрисовал свой первый поход на танкере «Наталья» — перечислил многочисленные тяготы и лишения курящих. Шура чуть задумался и заверил — это последняя сигарета.

— Бросаю курить на две предстоящие недели похода — буду восстанавливать здоровье. Начну лечить печень: пить травы, витамины, таблетки. Жена дала в дорогу целую аптечку: таблетки да травку.

— Иди ты! Марихуану потащишь через таможню? — хохотнул Зверлинг. — Мы ж не в Амстердаме.

— Вы меня сегодня за пять минут уже достали! Какая, блин, марихуана? Ромашка, расторопша, овес!

Зверлинг ухмыльнулся и пожал плечами:

— Да я ничего такого не хотел сказать. Я доволен, что не везешь марихуану. Лично я не пробовал. А ты курил?

— У-у-у... — понемногу начал закипать Шура.

— Юлий, да отстань от человека со своей марихуаной!

— Почему со своей? Разве я наркоша? — невозмутимо пробубнил приятель. — Раз художник — обязательно нюхаю, курю и ширяюсь? Наоборот, я за здоровый образ жизни! Только водку пью и никаких прочих излишеств. Я лишь раз в жизни кокаин нюхал. А курить — вообще здоровью вредить...

— Отстаньте от меня, изверги! — воскликнул морячок. — Дайте спокойно подумать и сосредоточиться! Я же сказал — завяжу на две недели и с куревом, и с выпивкой...

Я замахал руками успокаивающе:

— Думай, думай, настраивайся! Молчу-молчу...

Что ж, действительно, нам со Зверлингом в море, если выпадет идти на танкере, будет гораздо легче — не курим. Лично я жадный — экономлю на спичках! Зачем пускать деньги на ветер?

Долгожданный Коломбо!..

За последний год все здесь стало знакомым и почти «родным»: ланкиец-агент, пограничники, багажный зал, таможня, пункт обмена денег.

С агентом доброжелательно обнялись, с пограничниками любезно поздоровались, обменяли по полтиннику долларов на брата на местные рупии — для мелких расходов.

В машине попытались растолковать парню, что мы хотели бы найти и купить знаменитого развесного цейлонского чая. Ни молодой агент, ни водитель так и не смогли нас понять, чего именно мы от них добиваемся: останавливали микроавтобус возле сетевых магазинов, где продавался лишь обычный чай в пакетиках. Зачем нам этот мусор? Таковую дрянь мы и в России купим. Ладно, найдем чай в следующий раз, ведь дольше задерживаться нельзя — судно ждет на рейде!

В Галле в воинской части получил комплект вооружения: три новеньких китайских «калаша», триста шестьдесят патронов, двенадцать магазинов. Я заполнил в нескольких комнатах-офисах кучу бумаг, расписался раз двадцать в ведомостях, тщательно проверил оружие по номерам. Суровый мордатый капрал шоколадного цвета внимательно следил за мной и всюду следовал тенью. В последнем кабинете толстяк майор заверил, что с оружием полный порядок, пожал на прощание руку и пожелал удачи.

Вооружились — и в порт. Пограничный катер стоял «под парами» у стенки в ожидании секьюрити. Подали вещи матросам, ящик с оружием, каждый сделал шаг вперед с поддержкой протянутых рук ланкийских моряков. С нами вновь большой сопровождающий эскорт: стражник с автоматом, таможенник, агент.

Океан радовал полным спокойствием: чуть колыхался, словно большое изумрудное озеро. Значит, с высадкой на борт проблем не будет.

Юлий вновь защелкал фотоаппаратом — виды удаляющегося острова и морской простор, фото с ланкийцами, нас — попутчиков.

Домчались до цели быстро — за полчаса. И вот над нашим юрким суденышком висится металлическая громадина коричневого цвета, длиной примерно в стадион. Оголившаяся часть борта плавучего гиганта в балласте слегка обросла ракушками. Когда смотришь снизу вверх, то по ощущениям — над тобой небоскреб. И если бы это был не корабль, а дом, то строение потянуло бы примерно на десять этажей. И тоннаж солидный — примерно двести тысяч. Поначалу мне показалось, что я ослышался в названии, ланкийцы что-то попутали — передо мной был

явно старый знакомый «Father». Но нет, все верно, на борту выведено крупными буквами, как и по бу-магам для сопровождения — «Cape Mordexai». Дежавю какое-то! А ведь копия — один в один с прежним недавним подопечным!

У самой кромки воды болтался конец шторм трапа, и лениво набегающая волна омывала его концы и нижнюю деревянную ступеньку — балясину. Прикинул на глаз: борт этого судна в балласте выше двадцати метров! Страшновато карабкаться даже мне, а как себя покажет Зверлинг. И что делать?!

С тревогой и сомнением оглядел нашу возрастную штурмовую группу: мордатый Шурик, пузатый Юлик — мои «десантники» выглядели не очень бодро и внушительно. Художник заметно нервничал, то и дело, дергая ус и протирая ладонью лицо. Верхотлазы, блин! Да я и сам не особо источал оптимизм и радость по поводу восхождения — уже не столь энергичен, как, например, лет десять назад, ведь как-никак мне давно не тридцать пять и не сорок...

Моряки с пограничного катера взялись за привычное дело — цеплять к брошенному концу вещи и «сейф» с оружием. Размышлять и переживать лишнего времени нет: мысли мыслями, однако дело прежде всего!

Стараясь подбодрить, нервно подмигнул Юлию — не трусь, и первым ухватился за болтающийся штормтрап. А куда нам деваться с «подводной лодки»?

Схватился за ворсистые боковины (тетиву), сплетенные из пеньковых веревок, поставил ногу на балясину, подтянулся, переместился на следующую, и, тихо раскачиваясь в воздухе, подал тело вверх. Топ-топ-топ. В конце концов, взмокнув от напряжения, жары и влажности, добрался до нижней ступени приспущенного «парадного» трапа, протянул руку, перехватился за поручень, успешно перебрался.

Оглянулся. Следом напряженно пыхтел, штурмуя высоту спецназовец-художник, старательно перехватывая руками (как мы его с Шурикой учили) тетиву и упираясь подбородком о балясины. Подал руку товарищу, помогая перебраться на шаткие металлические сходни. Юлий побагровел, крепко вцепился в меня и решительно сделал ответственный шаг.

— Поднимайся по трапу, я помогу Кабыле. Да не свались ты, будь аккуратнее!

— Не бойся, я же в прошлом десантник!

— Я не за тебя опасаюсь, за себя! Сколько ты прыжков с парашютом совершил?

— Двадцать три!

— Прыжковые навыки тут не помогут! Снесешь меня, и оба загремим вниз — разобьемся о катер!

Зверлинг понимающе кивнул и крепко вцепился в поручни.

Я кинул взгляд вниз — монументальный Кабыла, как опытный моряк, хотя и в далеком прошлом, неспешно, но уверенно взбирался в замыкании вверх. Комок мышц. Обелиск!

Ну, за него я спокоен — точно не свалится!..

«Саре Мордехай»

Ступив на твердую палубу, я внимательно огляделся: действительно — это не «Father». А я-то подумал — может, хохлы переименовали старика. В глаза бросались некоторые конструктивные изменения: длинные пешеходные площадки бортовых кранов, по которой можно было бродить, как и по крыльям — на «Father» эта площадка отсутствовала. А так, на первый взгляд: корабли-близнецы. Действительно, чертовски похожи! Как говорят моряки: систер шип — судно одной серии.

Поспешил на мостик — знакомиться с руководством. Капитан встретил «спецназ» вполне радушно: благожелательно выслушал меня, пообещав разместить с уютом и содействовать всеми имеющимися средствами и возможностями по созданию необходимой обороны. Тотчас была поставлена задача сварщику сварить макеты макеты пулеметов и четыре бойницы: для стрельбы лежа — секторами в сторону кормы, и для стрельбы стоя — на бак.

Мастер Юрий Колеватов оказался нашим с Шурой ровесником. Высокий, худощавый, задумчивый и, увы, постоянно курящий. Пока мы с ним в течение пятнадцати минут общались, он выкурил три сигареты, прикуривая одну за другой. Эх, если мастер курит на мостике, то курят и все помощники — обычно в помещении на вахте не продохнуть и одно спасение — бродить по крыльям и загорать. Я забеспокоился за нашего товарища, а ну как под стол «дурным влиянием» Кабыла нарушит данное нам обещание и вновь закурит?

Разместились действительно с комфортом: каждому досталось по большой отдельной каюте — экипаж на перегон шел в сокращенном составе.

Вскоре после размещения повар пригласил на обед в просторную столовую: борщ, котлеты с макаронами, овощной салат, компот. Мы неспешно наслаждались украинской кухней и явно переели.

Первый день прошел в обычной суете: обжить каюту, осмотреться на судне, как можно лучше познакомиться с экипажем, отправить рапорт боссу...

Договорились с капитаном после ужина выпить по сто граммов за знакомство — заранее прикупленная бутылка как раз удачно годилась для этого дела.

Знакомство прошло душевно. Колеватов одобрительно крякнул при виде литра джина и выставил легкие закуски, в основном фрукты, но и сало присутствовало. А как иначе? Национальный экспортный продукт!

Мы рассказали о себе, я выдал несколько баек из предыдущих морских походов, капитан, как настоящий одессит, в ответ рассказал дюжину анекдотов. После третьего тоста мастер подробно поведал о себе и судне: десять лет вместе с боцманом Тихоном Сергеевым трудился в бразильско-израильской компании, стояли на линии Австралия—Китай. От-

пахали на совесть! Прочий экипаж за годы работы состоял из филиппинцев и евреев и постоянно менялся.

— Боцман с некоторыми странностями — поэт! Как подвыпьет, может бесконечно и без устали читать свои старые и вновь сочиненные вирши.

— Забавно! Неожиданно... — хмыкнул Кабыла, закусывая джин нетипичной закуской — салом. — Человек столь грубой и простой профессии и вдруг с поэтическими наклонностями.

— Вот-вот, я и говорю — чудак! По жизни Тихон слегка заикается, а вот свои стишки вещает без запинки! — оживился мастер. — Хотите послушать? Позвать?

Ох! Слушать слабые любительские стихи — только этого не хватало! Перед самым выходом в море я побывал на двух поэтических вечерах — наслаждался.

— Юра! Спасибо — в следующий раз, — поспешил я остановить захмелевшего капитана, разливая остатки джина в стаканы. — Хорошего в меру, еще наговоримся — не один день находиться вместе...

Утро прошло в рекогносцировке: осмотрели палубу судна, машинное отделение, румпельную, надстройку. Пока гуляли с голым торсом — чуток подпалились. После обеда чистка оружия — утром предстояло заступать на вахту.

Близился ужин — разошлись вздремнуть по каютам, отдохнуть от палящей жары. Внезапно в каюту с громким стуком ворвался мастер, с порога гаркнул:

— Где твои бойцы? Сбор по тревоге! Бегом ко мне в каюту!

Что это было? Проверяет нашу боевую готовность? Экстренно вызвал по телефону товарищей, переоделся в камуфляж. Экипированные секьюрити быстро примчались, разобрали свои стволы из сейфа и с громким топотом поспешили к мастеру палубой выше.

Ворвались в капитанский салон примерно через две минуты после объявления тревоги. Я без тактичного стука заскочил первым, а сзади напирала толпа вооруженные товарищи. Вломились и... опешили: мы едва не снесли подготовленный к ужину стол.

На диване и на стульях восседал спящий, вернее сказать, споенный, крепкий, дружный коллектив сухогруза: сам мастер Юрий, стармех — коренастый крепыш Борис, второй штурман — тощий Витя, а чуть в стороне высился над холодильником огромный, как горилла, боцман Тихон.

Мастер на минуту обомлел, вытаращившись на наш вооруженный до зубов отряд. Потом после секундной паузы моряки расхохотались — речь вернулась:

— Энергично! Вы шо, хлопцы? Никак уже воевать собрались?

— Извиняюсь, не поняли. Подумали учебная тревога! Крикнул — бегом ко мне в каюту, вот мы и... — пояснил я, чуть смутившись. — Недопоняли...

— Правильно скомандовал — картошечка остывает, да и водка греется — из морозилки достал. Сегодня встречный фуршет — с лучшей частью экипажа надо ведь тоже познакомиться. За столом не спеша обговорим переход пиратской зоны...

Моряки добродушно улыбались, и мы засмеялись своей промашке. Быстро вернулись, сложили оружие в металлическую шкатулку и поспешили обратно к столу. Зверлинг радостно потирал руки — водка!

— Я предвкушал!

Водочку он любил и уважал — начало похода нравилось художнику все больше и больше.

Пока мы отсутствовали, стол заметно пополнился — повар постарался на славу, сервируя его: тарелки с мясной и сырной закусками, широкие блюда с тремя видами салатов, на отдельных тарелках соленые помидоры и огурчики, маринованные грибочки, оливки, селедка с лучком и широкое блюдо с отварной и дымящейся картошкой, обсыпанной укропом. В центре стола в обрамлении банок «пепси» и пакетов с соками высилась литровая бутылка холодной водки со слезой — и верно, только вынули из морозилки.

Бутылка пошла по кругу. Как истинный любитель и ценитель водки, Юлий плеснул себе сразу полстакана, прочие собутельники были скромнее — по четвертинке. Шура пояснил экипажу про лекарства и диету, судорожно сглотнул слюну и налил себе апельсинового сока. Ну, не человек — кремь!

— Да вы если шо, не стесняйтесь, хлопцы! Этого добра у нас целая коробка. Наливайте, не скромничайте!

А я и не скромничал, просто знаю свою норму водки — да и не люблю ее, подлую...

После третьего тоста разговор пошел веселее. Мастер расхваливал старожилу-боцмана — уже почти двадцать лет с рудовоза не слезает.

— Когда я стал мастером на «Мордехае» — он тут уже десять лет хозяйничал.

— Верно! А п-почему бы не работать на одном месте? Евреи х-хорошо п-п-платили — в п-полтора раза больше, чем эта жадная хохляцкая компания. Эх, жаль, п-продали п-пароход хохлам-жлобам, — посетовал, слегка заикаясь на буквы «п» и «х», боцман Тихон. — Сухогруз стал по европ-пейским стандартам старичком: в Америку, в Европ-пу и на Израиль х-ходить не годится — год выпуска давний, п-по законам срок ему вышел, вот и п-продали его с выгодой одесситам. А я к «Мордехаю» п-прикипел всей душой! Два раза в год брал короткие отпуска по месяцу, дела временно п-передавал матросу — и обратно! Можно сказать, п-половина жизни п-прошла на этом рудовозе...

После пятого тоста мастер перешел от общих тем к политическим.

— Вот который год мы в экономике на месте топчемся: шо Россия, шо Украина. А приходишь в

Китай, допустим, в какой-то новый порт и вокруг ничего — голый берег, пирс, и один мол, уходящий в море. И ни души, ни огонька. Через пару лет снова попадаешь в этот порт и шо видишь?

— И шо? — заинтересовался любознательный и трезвый Кабыла.

— А видишь ты, дорогой мой товарищ Шура, огромный порт, заводы и рядом гигантский город весь в огнях! Вот это динамично развивающаяся экономика!

— Эх, точно! И, как у нас, нигде так не воруют! Например, в Питере который год стадион достроить не могут — кучу денег сперли! Ни одного километра высокоскоростных железных дорог не сделано! — поддержал разговор Зверлинг. — А китайцы возвели больше десяти тысяч километров! Про новую трассу из Питера до Москвы уже двадцать лет болтают и никак не делают.

— Я что себе думаю: китайцы тихо готовятся к большой войне: многие десятки, а то и сотню миллионов тонн железной руды в страну завозится ежегодно! — вновь оживился мастер. — Вот и этот рудовоз тоже ставится на китайскую линию! Половина мира работает на Китай! Руду возят из Австралии, Украины, России, Бразилии, из ЮАР. В десятки портов тысячи судов. Кстати, не всю привозную руду сразу отправляют на выплавку стали: они старые, гигантские, выработанные карьеры заполняют, и над бывшими выработками даже целые холмы возвышаются! И медь, и никель, и уголь — все складировать про запас, словно создают многолетние резервы для большой и длительной войны. А нефть в гигантские емкости заполняют и даже в пещеры заливают. Явно готовятся к нашествию на нас, вернее сказать, на вас, на русских. Боюсь, скоро будем жить на китайско-украинской границе. ...

— Теперь и ваш украинский пароход присоединится к вывозу украинской руды в Китай! — посетовал я. — И вы скоро тоже начнете работать на потенциальных агрессоров.

— Пароход не украинский — мы либерийцы! Разве не бачил, какой флаг висит на корме? О то ж! А шо делать? Гроши нужны, работать надо... — махнул рукой мастер, поправил очки на носу и опрокинул очередную рюмку в широкий белозубый рот. — Хотя я, пожалуй, долго тут не задержусь. Мы с боцманом отгоним судно и сплещемся — вернемся в родную и хлебосольную еврейскую компанию.

— А почему китайцам надо воевать именно с нами? — насутился оптимист художник.

— Ну, а с кем китаезам еще воевать, Юлий? Не с индусами же — тех тоже полтора миллиарда, и не с америкосами — у тех сильнейшая экономика, многочисленная авиация и мощный флот и никакой общей границы, и до них не достать — между странами огромный Тихий океан. А Россия граничит по суше на тысячи километров. Против нас стоит четыре китайских хорошо вооруженных военных округа! —

Я не на шутку разошелся и сел на «любимого конька» о великой китайской угрозе. — Мы сами вооружили китайских товарищей танками, самоходками, бронетехникой, авиацией, артиллерией и ПВО. Теперь у них не только миллионы пехотинцев, но и мощные бронечасты. Говорят, что поставки оружия в Китай спасли наш ВПК. Уж лучше бы он умер, чем мы вооружили и укрепили потенциального противника!

Дед и штурман ухмылялись и помалкивали, в политические споры не вступали — только пили.

Примерно через час застолья, боцман пробил на стихи — решил блеснуть, зная, что мы с Юлием литераторы. Тихон признался, что тоже пытается издаться в журналах, но пока попытки безуспешны — не удается взобраться на поэтический Парнас.

Я ухмыльнулся: «А как он думал — Пегас крепко лягается!»

Боцман задумчиво, театрально закрыл глаза ладонью, запрокинул голову, чуть встрепенулся, и стихи полились рекой. Теперь нам лишь на считанные минуты удавалось прервать Тихона на короткие тосты, подсовывая «менестрелю» стакан. Мастер кривился, словно от зубной боли, шептал мне на ухо:

— Я скоро все вирши Сергеева наизусть выучу! Правда, иногда что-то новое на ум взбредет, заявится среди ночи: мастер, послушай, что я написал...

— Сейчас мы тихоновского резвого Пегаса на полном скаку остановим! — заверил я капитана. — Тпр-ру-у! Тихон, стоп! Перейдем от стихов к прозе, сделаем, так сказать, наше «алаверды»! Юлий! А почитай нам немного из своей великой книги: «Про бобра»...

Надо сказать, Зверлинг знал наизусть все свои короткие рассказы и миниатюры из двух изданных книг, чем ввел на творческом вечере меня и всех прочих наших друзей-литераторов буквально в шок. Оказалось, Юлий может примерно три часа подряд декламировать свои рассказы!

Стоило дать отмашку — художника понесло... Юлий встал в позу древнеримского оратора — ни дать ни взять Вергилий или Цицерон. Гай Юлий Зверлинг!

Завелся примерно на час. Украинские моряки заслушались, даже перестали пить! Каждая миниатюра завершалась смехом и бурными аплодисментами.

Хорошо подпивший мастер, не переставая восторгаться талантом Зверлинга и наполняя стаканы собутельников очередной порцией водки, попросил выступить Юлия перед всем экипажем.

— Бесплатно? — усмехнулся хитрюга, покручивая черный ус. — Налъете артисту за бенефис?

— Что за вопрос! Конечно! — Капитан выдохнул с облегчением: гонорары артистам и писателям в судовом бюджете не предусматривались.

Следующим вечером Юлий солировал в каюткомпании уже перед всем русскоязычным экипа-

жем. Увы, но матросы оказались не такими тонкими ценителями прекрасного — лишь несколько жидких аплодисментов сорвал. Но вновь стол ломился от напитков и закусок.

Шура оказался необычайно педантичным попутчиком: очень любил призывать к порядку и дисциплине. И когда я или Зверлинг без стука врывались в каюту, он хмуро одергивал — «сколько раз говорить: стучаться надо!» Вещи в шкафу развесил и разложил аккуратно, в строгом порядке на столе и на тумбочке ничего лишнего, обувь рядком у входа. Зверлинг же не затруднялся морским порядком и порой валялся поверх одеяла, даже не разуваясь.

После завтрака я заступил на первую вахту: разложил на штурманском столе заряженные и готовые к бою автоматы, подсумки снарядил заряженными магазинами, плюс в ящике запас патронов — россыпью, в мешочке.

Некоторое время потренировался с третьим штурманом, а когда тот закурил какую-то вонючую дрянью, отправился принимать солнечные ванны. Ближе к десяти часам, подтянулся сильно опухший Колеватов с трясущимися руками и подрагивающими синими губами.

Мастер Юрий поздоровался, огляделся по сторонам — в океане полный штиль и никакой земли вблизи или встречных судов. То и дело, вытирая потеющий лоб, мастер достал из холодильника литровую пластиковую бутылку с водой и опустошил в несколько глотков.

— Тяжко? — посочувствовал я страждущему.

— Не то слово! Думал, сердце остановится!

— Зачем же так? Надо было притормозить!

Юра лишь с досадой махнул рукой, съел пару таблеток и задымил.

Я сразу метнулся потеть под солнцем на крыло подальше от табачного дыма. Спустя несколько минут с раскаленной палубы, по каким-то своим делам, в рубку буквально вполз взмокший бедолага-боцман. Вид у Тихона был несчастнейший — лицо бледнее стены, руки ходуном ходят.

— Как ты себя чувствуешь?

— Не передать словами!

— Тяжко?

— Погано! — простонал боцман-поэт. — Башка вот-вот треснет. Думал, почки откажут и печень...

Следом на мостик поднялся старший механик — на малопьющего «деда» Бориса и подавно было жалко смотреть.

— Опохмелиться бы... — пробормотал стармех.

Я покачал головой и вновь посочувствовал несчастным, но помочь было нечем — мой джин выпили в первый вечер.

— Мастер! Будь милосерден! — простонал дед. — Поправить бы здоровье... помоги товарищам...

— Нечем... — тяжело вздохнул Колеватов, просыпав на брюки пепел, и продолжил с нескрываемой досадой и грустью: — Вчера все прикончили. Дорвались до горилки як дурни!

Отчаянию несчастного мастера не было границ.

— Но зачем пить сразу все? — недоумевал я. — Разве нельзя было оставить немного на утро для поправки здоровья?

— И знаю и понимаю, однако поздно «пить боржоми, когда почки отвалились». Не смогли удержаться... Пойду, прилягу... Надеюсь, завтра оживу...

Тяжело вздыхая и шаркая сандалиями, Колеватов обреченно побрел в каюту — продолжать болеть.

Переход через океан был недолгим, но веселым — ожившие мастер, штурман-ревизор и боцман без усталости трювали байки. А пираты вблизи так и не появились. В боевой работе жизнь на судне прошла вполне рутинно: пару раз с рудовозом сближались подозрительные лодки, однако ничем себя особо не проявили — возможно, честные рыбаки, возможно, отпугивал высокий борт судна в балласте, а возможно, заметили охрану.

Надо сказать справедливости ради, однажды я попросил мастера для тренировки сыграть учебную тревогу при очередном появлении лодок — чтобы экипаж не расслаблялся. Впрочем, моряки не позволяли расхлябанности — и одесситы, и мьянмарцы искренне опасались за свое здоровье, свободу и жизнь.

Жара изнуряла охрану, особенно мучился непривычный к тропическому зною коренной петербуржец Юлий. Художник обливался потом, буквально таял на глазах и жаловался, что, несмотря на хорошее питание, с каждым днем худеет.

— Штаны спадают — сегодня продырявил новую дырочку в ремне.

Мы с Шурой ему сочувствовали, а что поделать — заранее предупреждал о предстоящих тяготах и лишениях. Однако, несмотря на мучения от жары, художник дело свое знал крепко — каждое утро, плотно позавтракав, сразу спать Зверлинг не мчался, а садился в тенечке на лавочку и делал зарисовки, готовил наброски к будущим шедеврам. Я наблюдал за ним сверху с крыла и беззлобно подшучивал.

Нынче Юлий был необычайно угрюм.

— Что случилось? Медали не доделал для премии? Не подготовился к финалу очередного литературного конкурса?

— Даже и не знаю, что делать! Вытачивать ли их теперь.

— Лень обуяла? Ты же обещал спонсорам!

— Младший брат Борис-фантаст умер!

— С чего ты взял? Связи с берегом ведь уже три дня нет.

— А мне не нужны письма и телеграммы. Я ну-троем чувствую. Он вчера ко мне приходил...

Я опешил: что сказать в ответ? Этого-то я и боялся. Утонченная натура, похоже, не выдержала тягот. Тронулся умом? Бредит?

— Кто приходил? Поясни...

Художник вздохнул и принялся пояснять:

— Ко мне часто во сне приходят знакомые: те, кто уже умер или вот-вот умрет. В армии явился отец перед смертью — жизнь мне спас. Я молодым бойцом был, службу едва начал, заболел пневмонией — температура поднялась под сорок, а в санчасть не кладут — бригадный «коновал» заявил, что у спецназовцев температура сама собой проходит. Папа ночью нарисовался у кровати и сказал: сынок, завтра поедешь в отпуск. Я подумал, начался бред предсмертный, однако до утра кое-как дотянул. И действительно, на следующий день пришла телеграмма о скоропостижной кончине моего любимого батюшки — еле живой поехал на его похороны. Дома очутился, подлечился — ожил.

Потом, уже после армии, во время командировки, приходил во сне старший брат — и тоже вскоре умер. Впоследствии еще несколько друзей в гости захаживали незадолго перед смертью...

— Прикальываешься?

— Да какое... — в расстройстве чувств махнул рукой художник. — Я тебе на полном серьезе...

На рейде Суэца тепло попрощались с экипажем. Капитан настойчиво зывал в гости в Одессу, а боцман Тихон посвятил нам стихи — и всучил мне распечатку — почитать на досуге...

Нападение на «Полярного короля»

Жаль было прощаться с коллективом капитана Колеватова, была б моя воля — дошли бы с ними до Одессы.

Итак, с легкой грустью на душе мы сошли на раскаленный и душный берег Египта. В Суэце, по указанию босса, агент поселил нас в самом зачуханом отеле «Summer Palace». В эти дни где-то в пустыне бушевала песчаная буря и до города доносились ее отголоски в виде рыжей пыли оседавшей везде и всюду. Жара и пыль. И заняться совсем нечем, даже интернет не «фурычит». Ремонт просторного бассейна никак не завершится. А море... залив грязен и мелок — купаться в этой луже не стоит.

В этой стране по-прежнему неспокойно: исламская революция в разгаре и на улицах вечерами продолжают волнения, митинги и демонстрации — приближаются выборы. Стены домов, каждый столб, деревья обклеены плакатами и лозунгами партий и кандидатов в депутаты и в президенты. Все как один кандидаты бородатые и всюду символика полумесяца и скрещенные сабли — легализовавшиеся братья-мусульмане. По слухам, всюду побеждают радикальные исламисты, поэтому в стране усиливается сухой закон и неприязнь к европейцам.

Два дня провели в полудреме с перерывами на еду, и наконец объявился агент Халид, поднял нас по тревоге — полчаса на сборы. Поспешили в порт. Быстро прошли обычную рутину: полиция, таможня, пограничники, склад с оружием.

Большой деревянный баркас, видимо, нас уже ждался. Только погрузились — сразу поспешили к выходу из канала. Полчаса болтались возле плавучего дока, провоя глазами огромные контейнеровозы, газовозы и танкеры. Но вот из канала появился наш шустрый небольшой пароходик. Да это же тот самый «Иротан»! Ровно год назад я на нем впервые был старшим группы охраны!

Итак, вновь предстояло десантирование на полном ходу — опять нервотрепка, ведь мои товарищи впервые поднимались на борт в таких экстремальных условиях.

Десантирование прошло успешно — за считанные минуты мы удачно перебрались на приспущенный парадный трап: никто не свалился за борт, не сломал руку или ногу. Хотя несколько довольно неприятных минут мы все же пережили.

Экипаж подопечного судна «Поляркин» оказался «комсомольско-молодежным». Не по годам очень тучный, с обвислым животом тридцатипятилетний капитан Артем, его ровесник, тощий, долговязый стармех — Виктор с лицом землисто-серого цвета («дитя подземелья»), и круглолицый старпом Алексей, лишь двумя годами младше начальников. Третий штурман Вовка и вовсе молодой парнишка двадцати пяти лет: долговязый, тощий, улыбочивый и зачем-то отпускающий плохо растущую, включенную, редкую бороду, выглядел он довольно забавно — вылитый портрет молодого Хо Ши Мина.

Шура подмигнул, подтолкнул в бок — ступай, налаживай контакт с мастером. Да я и без подсказок собирался.

Вошел в рубку — крепко пахло никотином. Поздоровался, представился. Как оказалось, мастер стоит вахту наравне с помощниками — нет второго штурмана, и как раз в это время шла его вахта. Я рассказал о прошлогоднем переходе на «Иротане» через океан — капитан подтвердил, действительно, эти суда «систершипсы» построены на одной верфи в Испании, и бороздят моря под флагами разных стран. Теперь их перегоняют в Россию, переводить под наш флаг, под «северный завоз».

Увы, на мое несчастье рубка этого судна была крепко прокурена. Повторюсь в очередной раз, на судах обычно заведено так: если мастер курящий — на мостике дымят все кому не лень. Сплошная антисанитария и ущерб для здоровья некурящего. Ну, да ладно, опять подольше и почаще буду гулять по крыльям мостика — загорать.

— А под каким флагом трудитесь?

— Британский Гондурас! Слышал про такое государство? — усмехнулся капитан.

— Конечно! — Я даже обиделся за сомнения в моих познаниях в географии. — У нас самих фирма зарегистрирована в тех краях. Так что, будьте покойны, защитим территории родимого Британского Гондураса — не допустим на борт пиратов!

— Значит, мы земляки! — ухмыльнулся мастер.

— Типа того... — согласился я. — Значит, мы земляки — пока вас под русский флаг не перерегистрировали. И вероятно, тупые шутки про «не чешите Гондурас и не будет беспокоить» уже порядком надоели?

— Вот здесь они уже! — Артем провел ребром ладони по кадыку.

Понятно. Тогда приступим к следующей фазе прощупывания капитана:

— Мастер, нам крайне неудобно — явились в гости с пустыми руками, но, увы, мы только сошли с рудовоза. С предыдущим капитаном все наше спиртное — прикончили! А нынче в Египте торжествуют исламисты и алкоголь под запретом — не купить...

Я скроил на потном лице скорбную мину.

— И не надо! — в свою очередь напустил суровость на широкую физиономию мастер Артем. — У нас сухой закон! Во время перехода на судне через океан не пьем!

Вот и замечательно! Значит, сможем отдохнуть и восстановить здоровье, подорванное «мордахайцами».

Как и всякий молодой да ранний начальник, мастер Артем часто хмурился, строжился и излишне гонял подчиненных, чтоб не подумали, мол, молодому и неопытному можно на шею сесть. Особенно от него доставалось матросам и повару, но чаще всего шугал именно повара: то недосолено, то пережарено, то просто невкусно. Честно сказать, повар действительно был не на высоте, и в очередной раз оказался прав мой старый приятель капитан Баталов: добросовестный повар — главное условие хорошей работы экипажа.

Капитан на контакт со мной шел с трудом — общих интересов не находилось: я и не курящий, не автомобилист, не охотник, не рыбак...

Ну, да общение и дружба на службе дело десятое — наша задача за пару недель благополучно дойти до Галле. Обойдемся без взаимной приязни...

Трезвенник-то он трезвенник, но, однако, про водку время от времени заикался. Поэтому в компании подчиненных я выразил сомнение по поводу истинной, а не показной трезвости экипажа:

— Капитан с такой ностальгией рассказывает про портовые кабаки Владивостока и прочего мира, что его сухой закон мне кажется искусственным — показным. Например, вчера полчаса бубнил, какая замечательная водка «Парламент», когда настоящая — любимый напиток. Но как ее часто бодряжат в Приморье, и причем во Владивостоке продают левак везде, даже в супермаркете!